

The background of the image is a photograph of a beach. On the left, there is a rocky shore with many small, smooth, brown and grey stones. To the right of the rocks is a strip of dark, wet sand. Further right, white, frothy waves are crashing against the shore, creating a white line of foam. The ocean extends to the right of the waves.

Андрей Казаков

АРЕНДА

Андрей Казаков

Аренда

«Издательские решения»

Казаков А.

Аренда / А. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902914-0

2046 год. После катастрофы планетарного масштаба правительство России сдало в аренду США, Японии, Китаю и странам Европы территорию Сибири и Дальнего Востока. Действие разворачивается в небольшом сибирском городе N, где мигранты пытаются сосуществовать рядом с местными жителями.

ISBN 978-5-44-902914-0

© Казаков А.

© Издательские решения

Содержание

I часть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Аренда

Андрей Казаков

*И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае...*
Николай Гумилев

Любое совпадение случайно.

Фотограф Андрей Казаков

© Андрей Казаков, 2018

© Андрей Казаков, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-2914-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I часть

Виктор Иванович не торопясь шел по заснеженным улицам города. В обеденный перерыв он отпускал своего водителя и прогуливался пешком, вдыхая свежий воздух и приводя свои мысли в порядок. Этот моцион занимал у него ровно пятнадцать минут: именно на таком расстоянии от городской Управы, где Виктор Иванович Костылин занимал пост заместителя Первой Головы, жила Нина – давняя его любовница. Дышал он правильно, глубоко и представлял, как она встретит его в коридоре, молодая, широкозная, румяная блондинка, основательно прижмет к своей обширной груди и крепко, взсос, поцелует. Он закроет глаза и глубоко, с удовольствием вдохнет запах молодого девичьего тела, который незамедлительно ударит ему в голову. Потом они, «сплетясь, как пара змей»¹, не отрываясь друг от друга, выпадут из коридора в зал и начнут срывать с себя одежду. После недолгой имитации борьбы Виктор Иванович овладеет ее парным телом прямо на полу. Несмотря на то, что в последнее время их любовные забавы сместились в несколько иную плоскость, видения такого характера периодически будоражили воображение чиновника.

Потом он представил, как она, немного утомленная их близостью, усадит его за обеденный стол, где удовлетворенный любовник опрокинет в себя рюмку запотевшей китайской водки и смачно закусит горячими наваристыми щами на говяжьем бульоне. Хозяйка подаст бигус, тефтели с картофелем и компот. Виктор Иванович будет есть обстоятельно и проникновенно, периодически утирая салфеткой свои пышные мулявинские усы – предмет его особой гордости и заботы. В процессе пережевывания пищи он расскажет ей все городские новости и то, как доблестно несет государственную службу, сопровождая свое повествование несколько театральными жестами. Она же, сидя напротив, подперев двойной подбородок широкой ладонью, будет швыркать чай с мармеладом, умиротворенно улыбаться и смотреть на него влюбленными глазами.

От таких картин Виктору Ивановичу стало радостно и легко, и он даже прибавил шаг, но тут же почувствовал, как в животе у него раскатисто заурчало. Он слегка сморщил лицо и громко, не стесняясь выпустил газы. Последнее время его пищеварительный тракт пошаливал. Жестоко мучили приступы метеоризма, которые несколько раз ставили его в неловкое положение прямо на заседаниях Управы. Тогда он не выдерживал их нешуточного давления и пускал «шептуна», да такого задиристого, что его приходилось маскировать приступом внезапного кашля. Одновременно он склонял голову над столом и незаметно дул между ног, уменьшая концентрацию испорченного им воздуха. В связи с этой проблемой Виктор Иванович однажды оконфузился всерьез. В тот раз вместе с выпуском «дрянного ветра» он слегка припустил в штаны, и ему пришлось в срочном порядке ехать домой, менять исподнее, но выделение оказалось настолько обильным, что он переодел и брюки.

Фельдшер Управы посоветовала ему сесть на диету, ограничить себя в употреблении жирной и острой пищи и перейти на продукты, приготовленные на пару, но Виктор Иванович не мог на это решиться категорически. Во-первых, ему нравилась вся эта деревенская пища, которая потом так бурно, по-революционному, переваривалась в его желудке, а во-вторых, тогда нужно было отказаться от обедов, приготовленных заботливыми руками Ниночки. Но предложить ей сменить меню он не мог, боясь навлечь на себя ее гнев, который бы выразился примерно в следующих словах: «Тебе не нравится, как я готовлю? Тогда пошел вон отсюда!» Вон идти не хотелось, ведь за те пять лет, которые они встречались, Виктор Иванович Костылин, семидесятилетний мужчина, успел не на шутку прикипеть к ее сильному и жаркому двадцатипятилетнему телу.

¹ М. Ю. Лермонтов.

Однако в последнее время его стали беспокоить неизвестно откуда взявшиеся мысли о том, что сделав Ниночку своей любовницей, он взял ее во временное пользование у кого-то другого, более молодого человека, уже, возможно, ждавшего ее где-то. И они порождали в нем чувство скорого разрыва с ней, которое мучило и терзало его и без того слабое сердце. Хотя внешне все оставалось по-прежнему: Ниночка радовала его своей красотой и непосредственностью, продолжая дарить ему незабываемые минуты близости. Но ощущение фатальной предопределенности не покидало Виктора Ивановича. Он пытался бороться с ним, устраивая совместные путешествия и осыпая подарками свою возлюбленную, отвлекаясь на некоторое время от горестных мыслей. Теперь каждую встречу с ней он старался переживать как последнюю и на этой почве даже погрузился в депрессию, окончательно потеряв и без того нестабильный сон.

Костылин ясно осознавал свой возраст, но несмотря на это, молодилась, не ограничиваясь регулярными посещениями бассейна и тренажерного зала. В штате Управы находился врач-косметолог – китаец Сунь Куй, выписанный Первой Головой из Тибета, который два раза в неделю подвергал ожесточенным пыткам в своем массажном кабинете дряхлеющее тело заместителя Первой Головы и снабжал его разнообразными специфическими лекарствами, изготовленными на основе древних китайских снадобий. Костылин героически переносил все процедуры нетрадиционной восточной медицины, но чувствовал, что и ее возможности не беспредельны. Еще пару месяцев назад он обходился одной таблеткой, обеспечивающей ему богатырский стояк, теперь же ему требовалось уже две пилюли. Этот же доктор предупреждал его о побочных эффектах употребляемого им афродизиака в виде нарушений пищеварения, но о связи метеоризма с таким нужным ему лекарством Виктор Иванович постарался скорее забыть.

В одну из недавних бессонных ночей он в очередной раз погрузился в размышления о характере своих отношений с любовницей и пришел к выводу, что время, проведенное с Ниночкой, считает лучшим в своей жизни. Столько эмоций он ни с кем и никогда не переживал, хотя дважды состоял в браке и вырастил сына и трех дочерей. Ниночка каким-то образом смогла стать для него единственной и неповторимой, той, которую, как ему казалось, он искал всю свою жизнь. Но чем дольше он размышлял над этим, тем глубже осознавал истинную причину своих чувств. Она заключалась в том, что Виктор Иванович, находясь в достаточно серьезном возрасте, мог себе позволить иметь и удовлетворять такую молодую любовницу. Это льстило мужскому самолюбию Костылина и питало его страсть. В свою очередь ему хотелось верить в искренность чувств Нины, в то, что она встречается с ним не из-за денег и его высокого положения в городе.

Тем не менее дальнейшие рассуждения заставляли Виктора Ивановича сомневаться в этом, ведь ему достаточно щедро приходилось платить за возможность обладать Ниной и эти затраты наносили его бюджету ощутимый урон. Но думать о том, как бы выглядели их отношения, не имея он такой возможности, ему не хотелось. Например, квартира, в которой она жила, обошлась Виктору Ивановичу недешево, и к тому же в приступе безумного сладострастия была оформлена на ее имя, о чем он пожалел уже на следующий день. И его не успокаивало то, что деньги на приобретение недвижимости он не заработал праведным трудом, а получил в качестве отката за выделение средств на ремонт городского театра «Благая Весть», который в настоящее время являлся одним из рупоров *правоверного Хрислама* в арендованной Китаем Сибири.

А китайцы теперь были повсюду. С тех пор как в 2036 году Московская Федерация сдала Сибирь и Дальний Восток в аренду, их приехало в город *N* около тридцати тысяч, что составляло больше половины всего населения.

Началось же все с того, что министры смогли убедить предыдущего президента в нежизнеспособности малых городов России, переставших выдерживать конкуренцию с мегаполи-

сами и безнадежно терявших свое население, которое в течение ближайших 10—15 лет так или иначе сконцентрируется вокруг городов-миллионников. И если такой процесс невозможно остановить, то его следует возглавить, чтобы извлечь из него максимальную пользу.

Получив одобрение на самом высоком уровне, они начали осуществлять утвержденный на государственном уровне план по уменьшению обжитого пространства страны, на первом этапе доказав, что вымирание малых городов и сел не представляет для государства никакой опасности. И наступление пустот или, как они говорили, *дикого поля*, не угроза, а одно из главных условий успешного развития страны. Естественно, что правительство в свои планы широкую общественность не посвящало, но те действия, которые им были предприняты, говорили сами за себя. Под видом оптимизации на этих территориях стали постепенно закрываться школы, больницы и другие социально значимые объекты, укрупняться и выводиться из районных центров государственные учреждения. Для федерального бюджета это оказалось крайне выгодно: отпала необходимость строить дороги, проводить в отдаленные села электричество и тратить деньги на социальное обеспечение граждан.

Процесс пошел настолько быстро, что уже к 2035 году больше половины всего населения страны вращалось на орбитах мегаполисов. На освободившейся территории стали стихийно возникать банды и другие преступные сообщества, прозванные *дикарями*. Ситуация чем-то напоминала лето 1953 года, когда, проводя перезагрузку ГУЛАГа, Лаврентий Берия выпустил на свободу опасных уголовников.

Под планом сжатия обжитого пространства страны подвел черту избранный в 2036 году президентом Магомет Отстоев, являвшийся в прошлом руководителем одной из кавказских республик. К тому времени нарастающая экспансия народов Средней Азии и Кавказа, а также демографическая катастрофа коренного населения привели к тому, что основные города на 70% состояли из мусульман, которые и проголосовали за нового политического и религиозного лидера государства. В своей предвыборной кампании он делал упор на укрепление суверенитета страны, но уже на следующий день после инаугурации подписал сразу два указа, противоречащие своим обещаниям. Первый о создании Московской Федерации, или Московии, включающей в себя прежнюю территорию России, за исключением земель, находящихся за Уральскими горами, и второй – о сдаче их в аренду, напомнив всем слова товарища Сухова: «Восток – дело тонкое».

Во многих городах активная часть электората вышла на улицы, чтобы воспротивиться этому решению, но все их выступления оказались жестоко подавленными силами правопорядка. К тому времени в большинстве своем они уже были укомплектованы выходцами с Северного Кавказа. Как в начале XX века Николай II в подавлении бунтов и восстаний опирался на казаков, так и новая власть в смутное время сделала ставку на преданные правительству подразделения.

Практически одновременно с его избранием на планете произошли глобальные изменения, в некоторой степени оправдавшие такую политику федерального центра. Взрыв Йеллоустоуна, долгое время дремавшего американского супервулкана, случившийся в 2036 году, обновил ландшафт планеты и коренным образом изменил политическую картину мира. В результате этого события и последовавших после него тектонических сдвигов часть Северной Америки, восточные провинции Китая, Великобритания, Япония и другие территории, а также большое количество городов ушли под воду. Многие ученые прогнозировали, что пылевые облака после такого извержения должны покрыть все Северное полушарие, принеся с собой неурожай и, как следствие, голод, но этого не случилось. Пеплом засыпало лишь территорию США и северную часть Западной Европы. Изменился и климат. Например, температура воздуха в Сибири зимой теперь не опускалась ниже минус десяти градусов по Цельсию.

На этом фоне мировое сообщество обратилось к Московии с просьбой принять к себе беженцев со всего мира, и новый президент благосклонно согласился. Чукотку, Камчатку

и Сахалин заселили японцы. Их огромные корабли-города прибыли в Анадырь, Петропавловск-Камчатский и Южно-Сахалинск в тот самый момент, когда свинцовые волны океана сомкнулись над вершиной Фудзиямы. В панике бежавшие со своего континента, оставшиеся в живых жители Соединенных Штатов Америки заселили необозримые просторы Якутии. Столица Республики Саха теперь являлась главным их городом, переименованным в Як-Йорск. На Дальний Восток переселились корейцы, чьи некогда разорванные национальные связи наконец-то обрели свое единение на арендованных территориях. Самый *лакомый* кусочек достался европейцам. Их правительства за баснословные суммы арендовали привлекательнейшее место Сибири – Алтайский край. Еще до катаклизма эта территория называлась «Русской Швейцарией». Покрытые снегом горные вершины, чистейшие озера и реки, живописные водопады всегда интересовали иностранцев. Заселив эти территории, жители Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Испании и других стран перенесли на них идеи Евросоюза, переименовав город Барнаул в Барнюссель. Остальная территория отошла Китаю.

После многих лет существования в условиях экономических санкций Кремлю было лестно выступить в роли спасителя человечества. В то время многие заговорили о том, что во взрыве вулкана замешаны русские спецслужбы, но такие высказывания мировая общественность не поддержала. На этапе переселения никто не хотел портить отношения со вновь образованной Московской Федерацией.

Иной картина стала выглядеть после того, как переселенцы освоились на своей новой Родине. Спустя несколько лет, они обратились к арендодателю с предложением о возможном снижении ренты, сославшись на то, что предоставленные им земли находятся в удручающем состоянии и их приходится заново осваивать, создавая всю инфраструктуру. Но Москва ответила категорическим отказом, и тогда в среде колонистов заговорили о том, что Россия всегда необоснованно владела такими обширными территориями и сейчас должна пойти навстречу попавшим в беду народам и предоставить заселенные ими земли в бесплатное и бессрочное пользование. Эти требования со стороны официальных политиков пока не выдвигались, а лишь озвучивались общественными деятелями и журналистами. Недопонимание между сторонами увеличивалось. На арендованных территориях постепенно накалялись взаимоотношения между коренным населением, в основной своей массе живущим на пособие, выплачиваемое им из средств, поступивших от ренты, и мигрантами, вынужденными восстанавливать пришедшее в упадок хозяйство.

Доходы от аренды земли, получаемые Кремлем, исчислялись в цифрах с девятью нулями, но в городах, оставшихся под управлением Москвы, жизнь не стала лучше. Учреждения социального обеспечения и инфраструктура не поспевали за стремительно растущим населением. Приметами времени стали: переполненные больницы, детские сады и школы, многокилометровые автомобильные пробки и набитые до отказа вагоны метро. А благодаря тому, что новый президент исповедовал шариат, в стране запустился процесс исламизации общества.

Формально вся территория бывшей России продолжала находиться под управлением нового государственного образования, так как условия договора были достаточно жесткими. Москва продолжала контролировать такие крупные мегаполисы, как Новосибирск, Омск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток. Через них новое руководство страны оказывало свое влияние на арендованные колонистами территории. Мигрантами эти города официально не заселялись, хотя число незарегистрированных переселенцев в них неуклонно росло. Но в более мелких населенных пунктах, среди которых находился и город *N*, они уже обладали равными правами с местными жителями.

Внешне все выглядело вполне презентабельно. Пропаганда не переставая говорила о благодетельстве Московской Федерации, протянувшей руку братской помощи попавшим в беду народам и спасшей их от неминуемой гибели. Но так мог судить только накаченный телевизионными новостями обыватель. Те процессы, которые запустились на арендованных террито-

риях, говорили об их необратимости. Спустя десять лет уже можно было твердо заявить о том, что держава, когда-то занимавшая одну девятую земной суши, постепенно уходила с политической сцены. Новые правители Кремля по-своему поняли слова Михайло Ломоносова: «*Могущество Российское прирастать Сибирью будет*». За аренду земли они собирали баснословные суммы, бросив на произвол судьбы часть своего населения, оставшейся на этих территориях.

Все выглядело так, что ответственность за развал России несет Магомет Отстоев, однако многие эксперты уже в то время считали авторами этой идеи преждее ее руководство. Глубокий кризис всех систем управления, тотальная коррупция и воровство навели их на мысль, что для сохранения своего состояния, нажитого в основном незаконными методами, есть только один способ: избавиться от государства. Тогда и претензии предъявлять будет некому. Приведя к власти Магомета Отстоева, в свое время завербованного *Федеральным Разведывательным Управлением*, они легко решили эту проблему, избежав возмездия за разорение страны.

С одной стороны, город *N* от притока китайцев только выиграл. Стали строиться новые дома, храмы, дороги, развиваться инфраструктура, с другой – проиграл. Местному населению предложили покинуть *дикое поле* и переселиться в город. Тех, кто согласился на эти условия, – обеспечили жильем и пособием, а те, кто воспротивился им, – оказались вне закона. Новая власть оттолкнула их от себя, пополнив таким образом ряды *дикарей*.

Несмотря на жесткие условия аренды, где оговаривалось, что во главе таких городов могут стоять только коренные жители, китайцы проникли во все сферы общественной и политической жизни. Это случилось благодаря взяткам, на которые местные чиновники оказались падки в той же мере, что и их предшественники. В лексиконе местного населения даже закрепилось такое устойчивое выражение, как «*дать в Голову*» (решить вопрос при помощи взятки). И в прошлом 2045 году Третьей Головой городской Управы стал известный китайский бизнесмен Вынь Су Хим, получивший статус коренного жителя, женившись на вдове бывшего командира стрелцкого полка, расквартированного в городе для поддержания общественного порядка.

То, что Вынь Су Хим *дал в Голову*, горожане догадывались, ведь по закону только Первая Голова избиралась всенародно, другие должности Управы уже ей назначались. С момента учреждения высшего городского органа власти им руководила небезызвестная в городе Марфа Исааковна Аракчеева. После заключения с Китаем договора аренды ее единогласно выдвинули кандидатом на этот пост члены городского совета. Но во власть она пришла не со стороны.

Восхождение по карьерной лестнице она начала еще в 80-е годы XX века. Будучи студенткой кулинарного техникума, она получила приглашение работать в райкоме комсомола. Там она сменила несколько должностей: заведовала отделом, занимала должность секретаря и первого секретаря райкома. Эффектная шатенка с серыми глазами, предпочитавшая яркий макияж и носившая мини-юбки одна короче другой, всегда привлекала к себе внимание мужчин, поэтому спустя пять лет оказалась в областном комитете ВЛКСМ.

Комсомолы всегда считали себя ударной силой советской власти, они строили великую страну, но к осени 1991 года стало ясно, что существованию СССР совсем скоро придет конец. Через месяц после августовского путча, когда Коммунистическая партия оказалась под запретом, союз молодежи принял решение о самороспуске. К тому времени комсомол давно уже отрекся от марксистско-ленинских идеалов и превратился в организацию для конформистов. Он являлся стартовой площадкой для будущих аппаратчиков, которые в годы перестройки оказались главными демократами и воспользовались ею для создания своих собственных коммерческих организаций. К тому времени им уже было совершенно не важно, как называется власть и к чему она призывает. Главным для них считалось оставаться ее частью под любыми знаменами и лозунгами.

Обладающая не только силой духа, но и умом, а также благодаря своей неувядающей женской красоте, Марфа Исааковна не осталась в стороне от этих процессов и уверенно про-

шла сначала через 90-е, а потом и через 2000-е годы. Начав с организации видеосалонов, она через несколько лет уже управляла сетью гостиниц, а потом организовала свой коммерческий банк. Правильно усвоив уроки старших товарищей по партии и комсомолу, она четко ориентировалась в тех процессах, которые протекали в общественной и политической жизни страны, поэтому всегда оставалась на плаву, находясь в рядах так называемой «партии власти».

И на каждом этапе ее становления рядом с ней находились мужчины. Еще будучи работником райкома комсомола, она четко осознала, что чрезвычайно их интересует. И если в то далекое время она, глупая и доверчивая комсомолка, отдавалась первым и вторым секретарям из чувства долга, только потому, что если «партия сказала надо, комсомол ответит – есть», то спустя годы она стала продавать себя уже гораздо дороже. И мужчины платили и помогали ей, надеясь на ее благосклонность. Она же всегда считала их расходным материалом.

Марфа Исааковна сразу поняла, что руководство арендованными территориями может принести неплохой доход. Поэтому она, заручившись поддержкой своих влиятельных покровителей в Омске и пообещав некоторые преференции в ведении бизнеса членам городского совета, в 2036 году оказалась уверенно избранной на пост Первой Головы Управы города *N*. Доподлинно неизвестно, как проголосовали его жители. Многие говорили о подтасовках и фальсификациях в ходе выборов, но никто тогда не придал этому существенного значения. Впереди маячила новая жизнь, и казалось, что она будет лучше прежней.

Сегодня внешность 78-летней Марфы Исааковны претерпела некоторые изменения. В ней уже с трудом можно было узнать стройную и улыбчивую комсомолку. Время не щадит никого, однако повторные курсы омоложения организма и реконструкции тела, которые она прошла в прошлом году, помогли ей выглядеть и чувствовать себя гораздо моложе. И если бы не ее пагубное пристрастие к алкоголю, благодаря которому близкие друзья за глаза называли ее «Машка-рюмашка», она выглядела бы еще лучше. Марфа Исааковна стеснялась своего, как она выражалась, крестьянского имени и частенько представлялась Машей или Марией Исааковной.

В городе имела несомненный вес и еще одна сила – Наблюдатели из Федерального Центра, отдаленно напоминающие сборщиков дани Золотой Орды. Наделенные чрезвычайными полномочиями, они имели право самостоятельно разбираться с неблагонадежными чиновниками. Наблюдатели анализировали обстановку в городе, следили за неукоснительным исполнением договора аренды и за своевременными поступлениями платежей. Общее их количество оставалось неизвестным даже городской Управе. Поговаривали и о том, что у них в разработке находится и Первая Голова, принимающая так называемые «благодарности» от китайских бизнесменов. Не арестовывали ее пока только по той причине, что, имея серьезный компромат на чиновника первого порядка, они успешно добивались от нее любой информации, касающейся положения дел в городе, и решали частные вопросы.

А пост Второй Головы в настоящее время пока оставался вакантным. На него уже давно засматривался Костылин, но решительных мер пока не предпринимал. Он понимал: чтобы всерьез на него рассчитывать, необходимо заручиться поддержкой, во-первых, своего непосредственного руководителя, а во-вторых – влиятельных людей в Омске. Но денег на это у него пока не хватало, а подъезжать, как выражались в городе, на хромой кобыле не имело смысла.

Виктор Иванович считался старым и опытным аппаратчиком, который на протяжении 40 лет занимал руководящую должность в городском самоуправлении. Но выше первого заместителя он так и не смог подняться, хотя считал, что заслуживает большего, потому что был единственным чиновником, имеющим ученую степень, блестяще защитив на заре своей карьеры докторскую диссертацию. В своей работе он исследовал роль святой испанской инквизиции и ее вдохновителя Томасо де Торквемадо в упрочнении христианства в средневековой Европе. В то время эта тема считалась достаточно актуальной, так как участвовавшие нападки на РПЦ пытались расшатать устои христианской веры.

Он обладал незаурядной, по местным понятиям, наружностью. В дополнение к усам, он носил ухоженную эспаньолку, а шелковый платок в стиле поэта Андрея Вознесенского, прятавший от внимательных глаз его цыплячью шею, придавали внешности одного из ведущих чиновников района совершенно нездешний лоск. Ботинки на толстой подошве, сшитые по спецзаказу, благодаря которым он компенсировал свой далеко не гренадерский рост, всегда сияли, как два темных зеркала.

Не лишенный привлекательности и ораторских способностей, он любое свое выступление мог превратить в бенефис. Ходили слухи, что однажды, стоя у гроба усопшего и произнося последнее «прости» своему, по его выражению, товарищу, он сумел так повернуть речь, что донес до присутствующих часть своей диссертации, которая повествовала о воззрениях людей Средневековья о жизни после смерти. Некоторые, в основном находящиеся в прямом его подчинении служащие, после панихиды утверждали, что в это время даже видели исходящий от него свет.

В городе же Виктора Ивановича всегда недолюбливали, частенько ставя в упрек то, что все те начинания, о которых он говорил, никоим образом не могли быть применены на практике. После первого же его вступления в должность местные острословы еще долгое время высмеивали всю администрацию, говоря о том, что она не смогла обойтись без костыля.

Сейчас же город жил в ожидании выборов Первой Головы, запланированных на сентябрь текущего года. Помимо Марфы Исааковны, идущей на третий пятилетний срок, в ней собирався принять участие и Бенедикт Фициаров, лидер оппозиции, известный местный политик и общественный деятель, руководитель фонда по борьбе с коррупцией на арендованных территориях. Виктор Иванович надеялся, что, поддержав в очередной раз Марфу Исааковну во время предвыборной кампании, он проложит себе дорогу к должности Второй Головы.

К этому времени он планировал справиться со своими главными болячками: бессонницей и метеоризмом. Пытаясь излечиться, Виктор Иванович перепробовал все новомодные лекарства, включая китайские, которые ему в качестве подарка привез директор одного из пяти крупнейших предприятий города «Цирконий – 2036» господин Ли Си Цин. Они если и облегчали на время его недуги, то полностью победить их не могли. А на серьезное обследование Костылин не решался, в силу своей природной трусоватости. Боялся, что врачи при детальной диагностике организма обнаружат какое-нибудь серьезное заболевание. Однако несколько лет назад он, по требованию Ниночки и по примеру Марфы Исааковны, прошел в Китае полный курс омоложения организма, благодаря которому до недавнего времени чувствовал себя достаточно неплохо.

Но более всего он переживал за слабость своего пищеварительного тракта, находясь рядом с любовницей. Поэтому последнее время при встрече с ней он вел себя достаточно напряженно. Такие изменения в облике Виктора Ивановича, конечно же, не прошли мимо Ниночки, и он регулярно оправдывался, ссылаясь на большую занятость в Управе. Здесь Виктор Иванович не лукавил. Работы и впрямь хватало. Сегодня, например, ему пришлось в течение двух часов убеждать своего начальника в необходимости запрета пьесы «Медея» другого городского театра «Сарказмотрон». И дело было даже не в том, что актеры на сцене имитировали половой акт. По его мнению, в главной героине пьесы явно усматривался намек на саму Марфу Исааковну, полгода назад претерпевшую болезненный развод с мужем.

– Вы знаете, какие дары Медея преподносит Ясону и его молодой жене?

– Какие?

– Никогда не догадаетесь! Корзину, полную экзотических фруктов!

– И что в этом такого? – недоумевала Первая Голова.

– Как это что! Помните, вы в прошлом месяце психоневрологическому дому-интернату три мешка картошки подарили? Это же явный намек! Только сменили овощи на фрукты, а так все один к одному. А крылатая колесница? – после некоторой паузы добавил Виктор Иванович.

– А с ней что не так?

– Все не так. У вас номер служебного автомобиля какой?

– Какой? – неожиданно для себя спросила обескураженная Марфа Исааковна.

– Четыреста четыре! – вкрадчивым голосом говорил заместитель. – Четыре, ноль, четыре.

И там, смотрите, что получается. В колесницу четыре коня запряжены, это раз! В колесе четыре спицы – это еще одна четверка! И само колесо, оно же символизирует ноль!

– Ну, колесо не только ноль может символизировать, – справедливо замечала Марфа Исааковна.

– Но у них-то оно точно ноль символизирует. Ничто, пустота, смерть – тяжелая судьба Медеи.

Их разговор продолжался достаточно долго, и Виктору Ивановичу все-таки удалось убедить Первую Голову запретить пьесу. Сегодня же депеша с предписанием отправиться главному режиссеру.

«Медея» была уже третьей постановкой за два года, в которой он усматривал тайные намеки на представителей существующей власти или *Хрислам – новую сибирскую религию*, пришедшую на смену обескровленному к тому времени исламу и христианству.

«Надо будет прижать этого режиссеришку, – рассуждал Виктор Иванович, подходя к дому Нины. – Совсем распустился уже. Сегодня же соберу всех настоятелей *мецертей*. У них есть ребята надежные, пусть меры примут».

В этот момент его кишечник снова энергично сработал, и из глубин его тела вновь обильно вырвались дурные газы. Виктор Иванович замедлил шаг, чтобы зловоние растворилось в морозном воздухе.

«Что же это такое, – негодовал он, – совсем жизни нет. Черт знает что творится».

Подойдя к дому своей любовницы, Виктор Иванович, оглядываясь по сторонам, позвонил в домофон. Ключи у него, естественно, имелись, но сегодня он их оставил на работе. Нина открыла не сразу, и Виктору Ивановичу пришлось некоторое время недовольно потоптаться перед подъездом. Хотя в городе их связь не являлась ни для кого секретом и местные жители периодически промывали им кости, ему все же не хотелось лишний раз мозолить глаза прохожим. Если такие разговоры доходили до Нины, то она сразу поднимала тему его развода с женой, а дискутировать по этому поводу ему совсем не хотелось.

– До чего же она твердолобая, – сказал вслух Виктор Иванович, прокручивая в голове разговор с Марфой Исааковной. – Очевидного не замечает. С каждым разом все труднее и труднее ей что-то доказать.

Наконец Нина впустила его в подъезд, и он, энергично вбежав на третий этаж, позвонил в дверь. Первые два пролета любовник преодолел достаточно легко, а на третьем слегка поумерил свой пыл. Начала мучить одышка.

Как только Нина открыла, Виктор Иванович приник к ней всем своим телом и потянулся к ее лицу сложенными трубочкой губами. Он был почти на голову ниже своей избранницы и легче килограммов на десять. Она же, холодно чмокнув его в лоб, сделала шаг назад и сложила руки на груди.

– Что-то не так, любимая? – испуганно спросил Виктор Иванович.

– Какая же ты сволочь, Виктор! – презрительно сказала Ниночка, прищулив свои телячьи глаза. – Форменная дрянь!

После этих слов она развернулась и быстро вышла из прихожей, качая своими могучими бедрами, обтянутыми ярким махровым халатом.

– Что случилось, дорогая, объясни толком, – быстро проговорил Виктор Иванович, проглатывая слюну и смотря ей вслед.

В одно мгновение он разулся и снял с себя легкую дубленку. Костылин знал, что если Нина называла его Виктором или Виваном, сокращая его имя и отчество, надвигалась грозная туча их бессмысленной и беспощадной ссоры.

– А ты не знаешь?

К тому времени, когда он зашел на кухню, она уже сидела за столом, на котором дымились щи и стояла запотевшая бутылка водки. Нина накручивала кончик своей широкой косы на палец. Это являлось еще одним дурным знаком.

– Не томи, любимая, скажи, что не так? – заискивающе произнес он, вставая перед объектом своего обожания на колени.

– Ты не звонил мне с самого утра, и теперь у тебя хватает совести спрашивать, что не так?

Нина грозно посмотрела на Виктора Ивановича сверху вниз.

– Я был на совещании, – оправдываясь, проговорил он, сложив руки в молитвенном жесте. – Никак не мог позвонить.

– Ты просто не хотел, грязный, вонючий мальчишка!

– Я хотел, радость моя! – проникновенным голосом произнес Виктор Иванович и наложил на себя традиционное *христианское* знамение.

– Нет, не хотел, – оборвала его Нина. – Если бы хотел, то позвонил. Кто хочет – ищет возможности, кто не хочет – причины!

Нина резко встала и подошла к буфету. Достав оттуда рюмку, она громко поставила ее на стол и холодно произнесла:

– Садись, ешь. И выпить не забудь. Виван-павиан!

Потом снова отошла к буфету, продолжая буравить взглядом своего любовника.

Это стало последней каплей. Аппетит у Виктора Ивановича резко пропал. Последний раз, когда Нина назвала его «павианом», их размолвка продолжалась около месяца, и все это время он не имел доступа к ее телу, от чего сильно расстраивался и срывал свою злость на подчиненных.

Виктор Иванович с трудом поднялся на ноги и сел за стол. Он знал, что умолять о прощении и приводить какие-то доводы теперь уже бесполезно. «Нужно успокоиться, – подумал Костылин. – Главное не наломать дров. Пока поем, а там видно будет».

Виктор Иванович как можно скромнее опрокинул в себя рюмку водки и занюхал кусочком ржаного хлеба. Потом принялся есть. Готовила Нина изумительно. Первые блюда, вторые, выпечка, закуски – все это поглощалось ее любовником с превеликим удовольствием. После щей, как он и предполагал, Нина выставила перед ним бигус и тефтели с дымящейся картошкой, обильно посыпанной зеленью.

– Ниночка, сядь рядышком, голуба моя, и не сердчай, – как можно нежнее проговорил он. – Виноват я перед тобой, каюсь, грешен. Но и ты меня пойми, замотали меня дела городские. Закружилась голова. Не хочу в конфронтацию с тобой вступать. Прости, родная моя.

Виктор Иванович искренне раскаивался. Нина всегда могла сделать его виноватым. Даже самые абсурдные претензии она так могла преподнести, что ее любовник сам верил в свое несправедливое к ней отношение и выворачивался наизнанку, вымаливая ее прощение. Несмотря на свой молодой возраст, Нина владела этим искусством в совершенстве. Так случилось и в этот раз.

– Опять со своей Марфой Исааковной лясы точил? – укоризненно спросила Нина.

– Важные вопросы решали, Ниночка, – тихо ответил он, набивая рот тушеной капустой.

– Знаю я ваши вопросы! – оборвала Нина, присаживаясь напротив. – Обхаживаешь эту жишовочку, да?

– Я?! – изумился Виктор Иванович, поперхнувшись бигусом. – Помилуй, Господи, Нина, ты в своем уме?!

– Я-то в своем! А ты что делаешь, олух старый! Нашел к кому клинья бить! Разуй глаза! Это же крокодил!

– Откуда информация такая, любовь моя? У меня и мыслей таких не было, как ты выражаешься, клинья к ней бить, – попытался оправдаться Виктор Иванович.

– Откуда-откуда – от верблюда! Я все знаю. На рынке бабы говорили: «Костыль клинья к жиловке бьет, чтоб Головой Вторую стать. Потому как без поддержки ейной ему и залупаться туда нечего. А у нее связи богатые и в государственных структурах, и в торговых, и с китаезами со всеми она на дружеской ноге».

– Бред! Исключительный и бесповоротный бред! – возмутился Виктор Иванович. – Да, амбиции относительно этого руководящего поста у меня есть, не скрою, я ими и с тобой делился, но решать этот вопрос я буду сам и не таким постыдным способом!

– Надо же как заговорил! Постыдным способом! С каких это пор ты в мораль-то ударился? – саркастически проговорила Нина. – Что-то я раньше за тобой такого не замечала. Это ты там у себя в Управе все про веру рассуждаешь, про хрисламство правоверное, всех жить учишь, а сам-то ко мне каждый день хаживаешь, при живой-то жене!

Этот козырь Виктору Ивановичу крыть было нечем. Он поковырялся вилкой в капусте и, опустив глаза, тихо проговорил:

– Нина, у меня, правда, ничего нет с Марфой Исааковной. Даже в мыслях. Я тебя люблю, Ниночка! Очень!

– Ешь, давай, а то все остынет. Мыслей у него не было.

Виктор Иванович вновь принялся есть. Захотелось еще водки, но вторую он пить не стал. Нина одобряла за обедом только одну рюмку. Пристыженный, он второпях проглотил второе, не поднимая глаз на Нину. Вместо компота она сегодня подала зеленый чай с малиновым пирогом.

– И о чем вы говорили с Марфой Исааковной? – едко спросила Нина, когда Виктор Иванович поднес ко рту десерт.

– О чем говорили? – наконец-то поднял глаза Виктор Иванович и заметил некоторые перемены в лице Нины.

Она уже смотрела не так строго и перестала накручивать кончик косы на палец.

– Я два часа убеждал эту непробиваемую, твердолобую женщину в том, чтобы она запретила «Медю».

– Что запретила?

– «Медю», спектакль «Сакразмотрона», – ответил Виктор Иванович и откусил кусок пирога.

Ему хотелось быстрее отвлечь Нину от темы их непредвиденной ссоры, поэтому он охотно зацепился за этот, как ему казалось, праздный ее вопрос.

– Они уже совсем обнаглели. Только и думают о том, как бы опорочить нас.

– И что? Убедил?

– Ты не представляешь, каких это стоило мне трудов, – сказал Виктор Иванович, утирая салфеткой усы. – Она же не видит очевидного. Все ей приходится разжевывать и класть в рот.

– Что, прямо все? – с усмешкой спросила Нина.

– Нет, ну не все, конечно. Но многое, – ответил Виктор Иванович, не понимая ее сарказма.

– Смотри мне там. В рот он ей, понимаете ли, собрался что-то класть. Тебе что, некому больше в рот класть?

Медленно проговорила его собеседница, и глаза ее затянулись легкой пеленой.

Виктор Иванович знал этот взгляд. К его горлу подкатил комок.

– Все-таки тебя надо сегодня наказать, грязный мальчишка. Ты серьезно провинился, очень серьезно. И этого я так не оставляю.

С этими словами она встала из-за стола и кивнула головой на выход из кухни. Виктор Иванович знал, что в таком случае надо делать. С замиранием сердца от предвкушения того, что будет дальше, он прошел, да что там прошел – пробежал через коридор в обширный зал, спустил до колен брюки и лег на диван лицом вниз.

Через несколько мгновений явилась его любовница с широким офицерским ремнем и, спустив с него трусы, принялась охаживать им его морщинистую, старческую задницу. Виктор Иванович молчал. Это являлось одним из условий их игры. А рука у Нины была тяжелая и уже после трех-четырех ударов его жопа загорелась адским огнем. «Шибко рассердилась, голуба моя», – решил Виктор Иванович, со страхом ожидая следующего удара. Нина била медленно, с оттяжкой. Если бы в этот момент кто-то наблюдал за ними, то он бы сделал вывод, что Нина стегает своего любовника уже не первый раз. Спустя 21 удар она остановилась. «Очко», – подумал он и тут же почувствовал у себя в заднем проходе внушительных размеров strapon.

– Ну что, вонючий мальчишка, ты еще будешь мне врать? – грозно спросила Нина, проникая все глубже.

– Нет, любимая, никогда, – ответил он.

Нина двигалась так же медленно, как и секла. Виктор Иванович, стоя на четвереньках, одновременно утвердительно качал головой, как будто бы говоря «да». Через какое-то время она, почувствовав, что ее партнер вот-вот разрядится, прибавила скорости, и Костылин, энергично двигая задом, с мучительным стоном кончил.

– А теперь иди сюда и сделай мамочке хорошо, – прищурившись, сказала Нина.

Она легла на спину и убрала strapon. Виктор Иванович послушно расположился между могучих ног своей любовницы, благоговей от того, что сегодня все же оказался допущенным к ее прелестям, и старался изо всех сил. А Нина не кончала долго. Крепко держа его голову руками, она громко стонала. Несколько раз Виктору Ивановичу казалось, что она должна вот-вот разрешиться, так как из ее рта стали доноситься звуки, похожие на якутское горловое пение, но эти шумы оказались ложными признаками надвигающегося оргазма.

Пока он лежал между ее ног и усердно работал языком, в его голове проносились разные мысли. Виктор Иванович успел подумать в очередной раз о «Медее» и вспомнил, как ему все же удалось убедить Марфу Исааковну в своей правоте. «Ладно, черт языкастый, так и быть, – сказала она, согласившись с его доводами, – хрен с тобой, высылай ему депешу. Пусть сворачивает постановку».

Следом ему напомнило о себе его пищеварение. Внутри снова ожесточенно заурчало, и он едва сдержался, чтобы не испортить воздух в такой не подходящий момент. Видимо, картофель и бигус, встретившись в его желудке, вступили между собой в яростное противостояние и, по всей вероятности, дело там дошло до применения ими друг против друга отравляющих веществ, запрещенных Женевской конвенцией.

Чтобы отвлечься, Виктор Иванович начал думать о том, что китайцы, в сущности, сделали хороший ремонт в Ниночкиной квартире. Ли Си Цин, старый хрен, не обманул и выделил ему хороших мастеров, которые сработали оперативно и аккуратно, хотя, конечно, дороговато... Стены и полы сделали по технологии 4D, установили систему автоматической уборки и «умную» кухню, но Ниночка, плохо разбирающаяся во всех этих новомодных китайских штучках, ее услугами практически не пользовалась. Зато она очень любила свою ультрасовременную ванную комнату, выполненную по последнему слову техники. Она имитировала кусочек кипрского пляжа общей площадью 50 квадратных метров.

Потом он подумал о том, что все-таки правильно они решили объединить зал с комнатой, чтобы получилась просторная гостиная. И тот диван из кожи африканских зебр они тоже не зря купили. Пусть он и обошелся ему в кругленькую сумму. Зато такой удобный, хоть вдоль, хоть поперек ложись. Именно на нем сейчас Виктор Иванович и удовлетворял свою любовницу. В этот самый момент, когда он размышлял об удобстве их ложа, Нина дернулась всем своим

могучим телом и изо всей силы сжала тяжелыми ладонями голову Виктора Ивановича, потом прорычала и громко, обстоятельно кончила.

– Хороший мальчик, – медленно сказала разомлевшая Нина, лежа с закрытыми глазами, – хороший. Так и быть, мамочка простит тебя. Но есть еще одно условие.

– Какое, любимая? – тут же спросил он, облизываясь. Ее похвала окрылила Виктора Ивановича.

Ему льстило то, что он еще мог доставить удовольствие своей молодой любовнице, годящейся ему в правнучки.

– Скажи, что обязательно его исполнишь, – загадочно проговорила она, лежа с закрытыми глазами.

– Конечно, дорогая, если это будет в моих силах.

– Нет, скажи, что сделаешь это для меня, – продолжала играть Нина. – Иначе мамочка не простит тебя. Или тебе плохо со мной?

– Мне чудесно, – проговорил Виктор Иванович.

– И что, ты не можешь исполнить мой маленький каприз?

Нина приподнялась на локтях и посмотрела на Костылина так, что он тут же со всем согласился.

– Говори, голуба моя, все сделаю, все исполню.

– Какой послушный, – похвалила Нина, погладив любовника по плешивой голове и потрепав за усы, со следами своих выделений. – Я хочу, чтобы ты меня устроил в театр. Я актрисой хочу быть. Надоело дома сидеть.

– Что?! – удивленно спросил он.

От такого неожиданного заявления своей любовницы он на какое-то время даже потерял самообладание.

– Что слышал. Или мне повторить?

– Но, п-помилуй, Н-н-и-н-ночка, какой т-театр? – заикаясь, проговорил Виктор Иванович. – Зачем? Я ничего не п-пойму.

– Какой театр? – переспросила Нина. – «Сарказмотрон». Он сейчас в городе самый модный. Тебе-то это не понаслышке известно.

Такого поворота событий Виктор Иванович явно не ожидал. «Ну и денек сегодня», – подумал он.

– Что задумался? – прервала его мысли Нина. – Обещал. А обещания свои надо выполнять.

– Я все понимаю, но это твое желание немного странное. Зачем тебе актрисой быть? Да и работа у них тяжелая. Это только кажется, что они вышли на сцену, покривлялись – и все, а это далеко не так. А ты же в своей жизни не работала ни дня.

– А я работы не боюсь! – твердо заявила Нина. – И не отговаривай меня. Я уже все решила.

– А со мной почему не посоветовалась?

– А я тебе подарок хотела сделать. Думала, ты обрадуешься, что я теперь актрисой буду, а ты недоволен, как я посмотрю?

Нина обиженно посмотрела на своего любовника.

– Нет, я доволен, – быстро оправдался Виктор Иванович. – Только вот такая проблема. Ты же знаешь, какие у меня с их главным режиссером, мягко говоря, натянутые отношения. Я его спектакли запрещаю, как же я к нему теперь обращусь с этим?

– Это твои проблемы, дорогой. Я сказала, что актрисой хочу быть, понятно? Ты же умный, придумай что-нибудь. Разреши эту, как ее, блин, ммм... «Медею». Он тогда тебе по гроб жизни обязан будет.

– Как же я теперь ее разрешу, если только сегодня запретил?

– Что ты заладил, как да как? Говорю же, придумай что-нибудь! У тебя голова большая, – сердилась Нина.

Виктор Иванович не хотел, чтобы настроение его любовницы снова испортилось, поэтому решил изменить тактику.

– Ну а как ты себе представляешь без образования, без какого-либо опыта актрисой стать?

– Научусь. Вот, смотри, что я тут на досуге читаю.

Нина приподнялась, сунула руку под диван и извлекла оттуда книгу К. С. Станиславского «Работа актера над собой в творческом процессе переживания».

– О, бумажная книга? Откуда она у тебя?

– Женщина одна на рынке продала, ей от матери осталась. Я уже половину прочитала, – она указала на закладку. – Послушай.

Нина открыла книгу на том месте, где лежала золотая пластиковая карточка «N-CHINA», подаренная ей Виктором Ивановичем.

– Одной несчастной женщине надо было объявить ужасную весть о неожиданной смерти мужа. После долгого осторожного приготовления печальный вестник произнес наконец фатальные слова. Бедная женщина замерла. Но ее лицо не выражало ничего трагического (не то что на сцене, где актеры любят в эти моменты поиграть). Омертвление, при полном отсутствии выразительности, было жутко. Пришлось простоять недвижно несколько минут, чтобы не нарушить совершавшегося в ней внутреннего процесса. В конце концов надо было сделать движение, и оно вывело ее из оцепенения. Она очнулась и... упала без чувств.

Пока Нина читала этот отрывок, Виктор Иванович, глядя на прекрасное лицо своей любовницы, размышлял о том, как он за то время, которое они встречались, успел сильно к ней привязаться. «Не могу без нее жить, – думал Костылин. – Как мальчишка, честное слово. А она, как выясняется, такая, в сущности, дура. Но не могу без нее. И вот если скажет она мне сейчас: „Пошел вон, дурак!“, я же на коленях ее буду умолять, чтоб не прогоняла».

– Витя! Ты слышишь меня или нет! – Нина прервала размышления своего любовника, истошным криком. – Ты где сейчас находился? Под юбкой у своей Марфы Исааковны? Ты слышал, что я тебе читала?

– Конечно, любимая. Ты мне читала о смерти мужа.

– Ну, а я же не просто читаю эту книгу, – повела бровью Нина, – я же репетирую. Следую всем советам Константина Сергеевича.

– И как ты репетируешь, если не секрет? – заинтересовался Виктор Иванович.

– Обыкновенно. Вот, например, когда я репетировала этот эпизод, я себе представляла вот что. Послушай.

Нина устроилась поудобней, положила книгу перед собой и развела руки в стороны.

– Что ты все-таки ушел от своей курвы ко мне, что жили мы с тобой много лет душа в душу, а потом ты умер. Скончался по дороге домой. А Петрушка, водитель твой, пришел ко мне и сообщил о твоей кончине. А я вся реву-у-у-у-у и без сознания падаю.

Проговорив последние слова, Нина резко опустила руки вниз, а на ее глазах тут же навернулись крупные слезы, которые спустя мгновение стремительно потекли по щекам.

– Ты представляла мою смерть? – искренне удивился Виктор Иванович.

– А что в этом такого? Если б я представила смерть какого-нибудь, ну, не знаю, да хоть вот этого Станиславского, разве я бы так уревелась? Тут надо родного человека в гробу представить.

– Не ожидал я такого от тебя, Ниночка, честное слово.

– Так ты расстроился, дурачок? – ласково проговорила Нина. – Ну, иди ко мне, иди.

Виктор Иванович послушно лег рядом с Ниной.

– Так что я уже многое умею и могу. Ко всему прочему я красивая. Актрисы должны быть красивыми. Так ты поговоришь с Мансуром Хоботовичем?

Нина несколько раз шмыгнула носом и вытерла слезы, продолжая гладить Виктора Ивановича по голове.

– А обязательно в «Сарказмотрон»? Может быть, лучше в «Благую Весть»? – уже смирившись со своим положением, проговорил Костылин. – У них и постановки там правильные, в духе святого правоверного Хрислама, не то что у этого Подъелдыкова. И поддержкой городского бюджета они пользуются. Финансирование своевременное много в наше время значит.

– Нет, не хочу в «Благую Весть», – замотала головой Нина. – Скукота там одна. Все в платочках, только и знают, что псалмы какие-то поют.

– Ну почему же только псалмы? Вспомни, например...

– Я же сказала, что не хочу! – повысила голос Нина. – Я хочу настоящей актрисой быть. Джульетту сыграть и Дездемону. Чтоб страсти кипели и все такое. А деньги мне не нужны.

– Даже не знаю, – после некоторой паузы сказал Виктор Иванович. – Мне надо все хорошенько обдумать, как теперь с ним разговаривать после всего.

– Подумай, Витечка, подумай. Время у тебя есть. Мне еще полкниги прочитать осталось. Неделя у тебя точно еще есть.

Виктор Иванович лежал на груди Нины, и ему никуда не хотелось идти и ни с кем разговаривать. Он понимал, в какое неудобное положение поставил его каприз любовницы. Что он теперь скажет Марфе Исааковне? Как обратиться к Подъелдыкову? Ответов на эти вопросы он найти не мог и в то же время ясно осознавал то, что решать их ему придется в самое ближайшее время.

Театр «Сарказмотрон» организовали десять лет назад сразу же после открытия мануфактуры по переработке дикоросов «Ягоды & Грибы & Орехи» при непосредственном участии ее управляющего, господина Га Ли Цина. Он считал его своими детищем и после нескольких неудачных попыток найти ему достойного руководителя сам возглавил театр. Первоначально его планировалось дать имя «ЯГО», используя аббревиатуру названия предприятия, но потом, во избежание возможных ассоциаций с именем одного из центральных персонажей трагедии Шекспира, от этой идеи отказались.

Театр создавался в первую очередь для того, чтобы обслуживать интересы многочисленной китайской диаспоры, проживающей теперь на арендованных территориях. Но он также решал и просветительские задачи, ведь использовался для пропаганды китайской культурной традиции и образа жизни. Поэтому пьесы там ставились не только на китайском языке, но также и на русском. Художественный уровень постановок и его репертуар мог удовлетворить самый взыскательный вкус. Спектакли в нем шли разнообразные, отдавалась дань китайскому классическому театру и осуществлялись ультрасовременные постановки.

Однако любители теории заговоров утверждали, что на самом деле «Сарказмотрон» организовали для того, чтобы посредством художественных постановок осуществлять критику местной власти, обнажать ее недостатки и формировать общественное мнение для возможного смещения Марфы Исааковны с должности Первой Головы.

При наличии гражданства выходцы из Поднебесной империи по закону тоже имели право участвовать в выборах. Получить его они могли простым способом: женившись или выйдя замуж за коренного жителя арендованных территорий. Но ввиду того, что основная масса колонистов состояла из представителей сильного пола, особым спросом пользовались местные женщины, среди которых наблюдалось достаточное количество одиноких. Они, естественно, не бесплатно, охотно оформляли фиктивные браки с китайцами, а некоторые и по-настоящему

выходили замуж. Создать семью с *мандарином* считалось выгодным. Покладистый, непьющий супруг всегда являлся в России редкостью, и связать свою судьбу с таким мужчиной хотели многие женщины. Большинство китайцев алкоголем не злоупотребляли, к тому же у них всегда водились деньги, и количество смешанных браков, несмотря на повсеместное влияние *Хрислама*, в городе неуклонно росло.

Видя такое положение дел, Виктор Иванович попытался законодательно проложить дополнительное условие для получения гражданства. Он выступил с инициативой об обязательном обращении каждого кандидата в новую сибирскую веру. Но китайские юристы подали иск в арбитражный суд и выиграли его. Жрецы правосудия усмотрели в таком решении местной власти нарушение Федерального Закона от 01.06.2036 года №71-ФЗ «О сдаче в Аренду территорий Сибири и Дальнего Востока» и «Договора о сдаче в Аренду Китаю малозаселенных территорий Омской области», которые гарантировали каждому жителю свободу вероисповедания.

Можно сказать, что Виктор Иванович, курировавший всю культурную и религиозную жизнь района, охранял честное имя Марфы Исааковны и других чиновников города, выискивая в спектаклях «Сарказмотрона» намеки, порочившие их честь и достоинство. Но, кроме него, никто не усматривал в спектаклях театра нападок в свой адрес. Даже сама Первая Голова Управы порою не понимала такого рвения своего подчиненного на этом поприще, но деятельность его не пресекала, считая, что излишние творческие свободы ни к чему хорошему не приводят и лучше, по ее выражению, в таком случае «*перебдеть, чем недобдеть*».

В личных беседах, которые Виктор Иванович неоднократно проводил с директором театра, чиновник регулярно высказывал претензии в отношении ряда постановок. Но старый китаец всегда находил оправдание. Отвечая ему, он говорил о том, как Поднебесная благодарна Москве за то, что она приняла на своей земле китайцев, дала им возможность честно трудиться и заработать не только на миску риса, но и на кусок мяса. Что им посчастливилось жить в поистине демократической стране, где, согласно Конституции, цензура, препятствующая развитию искусства, запрещена. И чтобы вырастить настоящего патриота и полноценного гражданина, надо давать художнику возможность говорить что он думает, показывать жизнь во всем ее многообразии. Как государственный муж, он рассуждал о том, что перед деятелями искусства стоит трудная задача: в условиях мирного сосуществования двух разных традиций и жизненных укладов, вырастить такого человека, который сможет органично впитать культуру обеих стран.

– Мы пришли на Омскую землю не на год и не на два, – замечал Га Ли Цын. – И она должна для нас стать такой же родной, как земли Тяньцзиня или Хэбэя.

Противостоять таким правильным речам Виктор Иванович не мог да и не имел права, но он все-таки смог добиться запрета трех наиболее одиозных спектаклей.

Его повышенное внимание к постановкам китайского театра объяснялось еще и тем, что сам он являлся сторонником продвижения другого городского храма Мельпомены – «Благой Вести», репертуар которого состоял из спектаклей, рассказывающих о жизни *хрисламских* святых, которыми, несмотря на всю свою молодость, новая религия уже смогла обзавестись с некоторым избытком.

Когда-то «Благая Весть» являлась обычным провинциальным драматическим театром и носила совершенно другое название. На первых порах его руководители ставили перед собой высокие цели. Они не только хотели удовлетворять потребности общества в театральном искусстве, но и формировать вкусы публики, одновременно знакомя зрителя с лучшими драматическими произведениями, пытаясь ввести его в мировой театральный контекст. С трудом, но им удавалось удерживать баланс между классическими произведениями и так называемыми бульварными пьесами, которые потакали вкусам достаточно специфической местной аудитории.

Но в погоне за прибылью театр отказался от этой высокой миссии, и постановки с каждым годом стали упрощаться.

Это решение по облегчению постановок и оказалось роковым для театра. Ощутимой массовости руководство так и не добилось, но сумело отпугнуть от себя того зрителя, который приходил на спектакли не только для того, чтобы развлечься, но и приобщиться к настоящему искусству. Со временем театр пришел в упадок, и его смертельно раненое тело буквально под руки подхватила *хрисламская* община города в лице его лидера – Виктора Ивановича Костылина. В ту пору она прибирала к своим рукам различные социально-культурные объекты, потому как имела большое влияние на все жизненные процессы, происходящие в городе.

Тогда же для поддержания общественного порядка в городе создали *хрисламскую* народную милицию, а для формирования ее положительного образа в глазах горожан одновременно организовали и футбольную команду, игроки которой взяли себе звучные и говорящие псевдонимы. Фома располагался в воротах, Петр и Павел играли в защите, Иисус и Мухаммад по очереди исполняли роль плеймейкеров, а на острие атаки неизменно выходил Абрахам ибн ас-Саббах. Особых лавров эта команда не снискала, но зато являлась любимицей зрителей и телевизионных комментаторов.

– Фома не торопясь вводит мяч в игру. В центральном круге его принимает Иисус и делает пас на Петра. Петр смещается на фланг, возвращает мяч Иисусу, который в одно касание адресует его Мухаммаду, разрезая оборону соперника. Тот обводит одного, затем другого и неотразимо бьет по воротам! Г-о-о-л! – захлебывался диктор, ведя репортаж футбольного матча с участием «*Хрисламского динамо*».

Театр, получив новое название «Благая Весть», а также серьезную финансовую поддержку городского бюджета и *хрисламской* общины, принялся усердно штамповать спектакли с религиозным уклоном. Большинство ведущих актеров, не согласившись с подобными нововведениями, покинуло его сцену. Одни уехали из города, другие перебрались в только что открытый «Сарказмотрон», но это не огорчило руководство «Благой Вести». Для решения тех задач, которые в настоящее время ставились перед театром, особо одаренные артисты и не требовались. К тому же хорошо известно, что чем талантливее актер, тем придирчивее он к окружающим и тщеславнее. Таких сотрудников новое руководство не жаловало. От артистов требовалось смирение и безоговорочное подчинение во всем.

Одним из таких актеров, перешедших в «Сарказмотрон», был Давид Борисович Троегубов. К тому времени он уже находился в почтенном возрасте, когда удачнее всего получают роли потешных стариков. А свою актерскую карьеру он начал еще в прошлом веке, в Саратовском драматическом театре, играя Петра Ивановича Бобчинского, Григория Незнамова и Юлия Капитоновича Карандышева.

Однажды в Саратов приехал ассистент ведущего столичного режиссера Никиты Брылова, который собирался снимать фильм «Начало века» к 70-летию правящего тогда президента и искал исполнителя главной роли. В фойе театра он увидел портрет Троегубова и разглядел в нем сходство с руководителем государства. Его тут же вызвали на пробы, но провинциальный актер не убедил режиссера. Тогда ассистент посоветовался с продюсером фильма и генеральным директором главного государственного канала Константином Львовым. Он-то и решил судьбу Давида Борисовича. Посмотрел пробы и сказал: «Хуй с ним, снимайте!» Как впоследствии выяснилось, главной причиной выбора Троегубова на роль президента явилось не его природное сходство, а чисто экономические соображения. Популярным актерам того времени, будь то Сергей Безруков или Данила Козловский, пришлось бы заплатить значительный гонорар, а провинциальный и никому не известный актер обошелся бюджету фильма гораздо дешевле.

После этого карьера Давида Борисовича пошла резко в гору. Пример ведущего телевизионного канала оказался заразительным. Кинокомпании стали одну за другой «клепать»

киноленты, освещающие те или иные эпизоды биографии руководителя государства. Такие фильмы, как «Майор Платов», «Четыре дня в Дрездене», «В начале громких дел», вошли в золотой фонд отечественного кинематографа. И во всех Троегубов играл главную роль.

Он не только досконально изучил биографию своего героя, но и старался подражать ему в повседневной жизни. Такую глобальную зависимость при работе над ролью отмечал Виктор Сухоруков, имевший опыт исполнения роли Ленина в «Комедии строгого режима».

Давид Борисович увлекся рыбалкой, начал посещать секцию дзюдо и изучать немецкий язык. Доходило до того, что он мог спуститься в метро или посетить какое-нибудь публичное мероприятие и, не выходя из образа, обратиться к людям с речью, чем приводил их в замешательство и трепет. Особенно страдали от этих перформансов Давида Борисовича представители правоохранительных и местных органов власти. Служба безопасности президента резко пресекла подобные выходки актера, поместив его на принудительное лечение в психиатрическую клинику закрытого типа. Спустя полгода усиленная терапия, примененная к нему, возымела желаемое действие. Троегубов перестал ассоциировать себя с главным лицом государства, забыл немецкий язык и утратил борцовские навыки. С этого же момента он катастрофически начал терять зрение, видимо, те препараты, которыми его лечили в клинике, имели побочное действие.

После выздоровления он, получивший запрет на проживание в столице, долго скитался и в конце концов осел в городе *N*, женившись на одной из местных предпринимательниц, которую, благодаря своему природному шарму и показной важности, смог легко обольстить в довольно-таки короткий срок.

В театре он имел непререкаемый авторитет. Актерское мастерство не имеет национальности, поэтому с уважением к нему относились не только русскоязычные актеры, но и китайские, среди которых было немало евреев. Именно они и достали ему лекарство, удачно облегчавшее его недуг в течение нескольких лет. Но однажды оно перестало действовать, и актер начал постепенно погружаться в темноту, однако играть в театре не прекращал. Давид Борисович попросил своих партнеров провести с ним несколько репетиций, во время которых он четко для себя уяснил, какими маршрутами надо двигаться, чтобы не снести по ходу спектакля столы, стулья и другие предметы, находящиеся на сцене. Это ему удавалось настолько, что зрители практически не замечали его слепоты, хотя многие знали о его недуге.

– Давид Борисович, почему вы хрусталики заменить не хотите? – спрашивал Илларион Лощеный, один из ведущих актеров театра, когда они отдыхали после вечерней репетиции в гримерке и попивали свежесваренный зеленый чай. – Сейчас такие возможности. Китайцы не только хрусталики, они глаза новые могут *вернуть*. Я уже про другие органы молчу.

Высокий, под два метра ростом, мускулистый 20-летний артист с лицом молодого Бена Аффлека являлся любимцем местной публики, в особенности престарелых китайок, которые частенько ангажировали его на ночь, щедро оплачивая услуги статного красавца. Илларион делил гримерку с Давидом Борисовичем и частенько расспрашивал пожилого актера о его прошлой жизни.

– Ларя, а зачем они мне? На что мне смотреть? Вокруг такое безобразие творится. К тому же я столько на своем веку всего видел... Половину, ну, может быть, не половину, а две трети лучше бы и не видеть вовсе. Тем более, дорогой мой, я полностью уверен в том, что не смогу здесь лицезреть ничего такого, что бы меня по-настоящему обрадовало, – неспешно отвечал Давид Борисович, держа в левой руке чашку, выполненную из тончайшего китайского фарфора.

Несмотря на свою слепоту, ему всегда удавалось выглядеть безупречно. Врожденное чувство вкуса давало ему возможность элегантно носить те вещи, которые ему покупала жена, следуя его рекомендациям. Сейчас, например, на нем был светло-голубой костюм с желтым платком в нагрудном кармане и синяя рубашка в мелкую желтую полоску.

– Ну, во-первых, с глазами все-таки проще жить...

– В вашем возрасте – несомненно. Хотя... я думаю, что вы бы тоже, мне кажется, иногда предпочли бы многого не видеть. Согласитесь, Ларя, когда вам приходится ехать ночью к этим китайкам...

Давид Борисович беззвучно рассмеялся.

– Я же говорил, что китайцы с человеческими телами сейчас все, что угодно, могут сделать, поэтому не так там все и страшно.

– Ну, да, я этого не учел, не учел, – сказал пожилой актер, отхлебнул чаю и после некоторой паузы добавил: – Так вот, когда человеку девятый десяток, наличие зрения уже не играет решающей роли в его жизни. Меня сейчас, дорогой вы моя Ларя, ничего не отвлекает от внутреннего мира. Я всецело сосредоточен на себе. К тому же я за это время прочел столько книг, сколько за всю свою жизнь не мог.

– Как это прочел?

– Ну, точнее прослушал. И они меня возвращают в то время, когда мне казалось, что я по-настоящему счастлив.

– А какое оно было, то время? – с интересом спросил Илларион.

– Вы имеете в виду до того, как Россию стали сдавать в аренду?

– Да-да, то, – подтвердил Илларион и, взяв со стола чайник, освежил напиток Давида Борисовича.

– Что сказать вам, молодой человек? Я многое повидал на своем веку. Тогда наша страна, по крайней мере, считалась единой. Жесткая вертикаль власти, – сказал Иван Борисович и взял в правую руку свою внушительных размеров трость, увенчанную причудливой формы набалдашником. – Но иногда все же складывалось впечатление, что Москва совсем не знала о положении дел в отдаленных землях, да и знать, по-моему, не хотела.

Илларион сделал удивленное лицо.

– Да, представьте себе. И это по всему было заметно. Решительно по всему. В то время один из министров, сейчас уже и не вспомню кто, говорил открытым текстом, что у нас для вас денег нет.

– Как это?

– А вот так.

Давид Борисович начал ловко крутить трость между пальцев.

– Денег нет, но вы держитесь.

– А зачем тогда такой министр нужен?

– Нужен, видимо, для чего-то. Вы только представьте себе, государственный муж вещает на всю страну, извините, мол, денег у меня для вас нет. Думайте сами, как дальше жить. Причем деньги-то были. Нефть и газ продолжали продаваться. В то время мы, как тогда выражались, сидели на трубе. У детей даже считалочка такая была: «На золотой трубе сидели: царь, царевич, король, королевич, продажный чиновник и толстый банкир, каждый из них сосет как вампир». Но ребяташки не знали, что на самом деле сосут их родители.

Давид Борисович рассмеялся и, поставив рядом с креслом трость, сделал несколько глотков чая.

– Упадок и разруха везде, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, – продолжил он. – Я с гастролями по стране поездил и на съемках много где бывал. Они тогда на обвинения в том, что экономика падает и доходы людей уменьшаются, твердили: кризис, мол, вот и нет денег. Но мы-то все понимали, что никакого кризиса не было.

– А что было? – спросил Илларион.

– Был полный коллапс всей этой примитивной и убогой системы управления страной, во главе которой стояли продажные чиновники и олигархи. Но для их обогащения она, конечно же, являлась самой эффективной и, как тогда говорили, продвинутой. Они потихоньку

превращали страну, людей и природные ресурсы в роскошные усадьбы, оффшорные счета и футбольные клубы. До середины двадцатых годов это еще кое-как работало, потому что президента тогдашнего боялись. Знаете, я к нему всегда с уважением относился. Во многих фильмах его играл и спектаклях, лично встречался. Но потом разочаровался и в нем. И если бы не вулкан... Страшно подумать, чем бы все это закончилось. Помните же, наверное, когда половина Америки под землю ушла?

– Так, смутно, – изящно махнул рукой Илларион.

– А потом наводнение. Это же тогда Англию и Японию смыло и много красивейших городов. И каких городов, дорогой вы мой Ларя. Лондон, Венеция, Амстердам, Санкт-Петербург... Боже мой, Ларя, вы никогда не увидите Санкт-Петербурга, как я вам сочувствую, – закачал головой Давид Борисович. – В принципе, все с этого-то и началось. Не успел Отстоев в Кремле на трон сесть, как пустил Россию с молотка. Стал в аренду беженцам сдавать. Сначала Чукотку, а потом пошло-поехало. Дальний Восток, Якутия, Алтай... Горец понял, как это удобно. Переселенцы и денежку заплатят и сами обо всем на этой земле позаботятся. И дороги построят, и дома. Вы же знаете, что основная часть платы за аренду в Москву идет?

Илларион неуверенно кивнул головой.

– И на мировой арене мы опять же в хорошем свете стали выглядеть, – продолжал Давид Борисович. – Спасители человечества. Спасибо матушке-природе. Хотя многие тогда говорили, что взрыв этого вулкана наши спецслужбы спровоцировали. Слышали же о климатическом оружии?

– Так, кое-что.

– Но это тогда не доказали, и все затихло. Да и не хотел тогда никто ничего доказывать, – махнул рукой Троегубов и после некоторой паузы продолжил: – А как местное население выживать будет среди китайцев или японцев, руководителей наших уже не интересовало. К тому же они, как говорится, принадлежали да и принадлежат к совершенно другому народу. Они же до чего тогда додумались, знаете?

– Нет, – пробормотал Илларион, сморщив лоб.

– Россия на Кавказе много лет воевала. И в XIX веке и потом в конце XX-го. Стороны эти конфликты оценивали, естественно, по-разному. Одни говорили, что это борьба за независимость, другие, что восстановление конституционного порядка. Ну, как всегда, у каждого своя правда. Но людей много тогда погибло. И солдат, и гражданского населения. Только вот потом новое руководство страны эти войны определило как геноцид жителей Кавказа. Как у евреев Холокост, примерно по такому же принципу. Поэтому федеральный центр, как виновник злодеяния, должен выплачивать горцам компенсацию. Даже налог такой ввели. В то же время, помню, опять запретили Мандельштама. Знаете такого поэта?

– Нет, к сожалению, не слышал, – смутился Илларион и застенчиво улыбнулся. – А за что?

– За его стихи, как это обычно бывает. Он еще в 30-х годах XX века написал свое стихотворение «Кремлевский горец», и кто бы мог подумать, что оно снова приобретет свою актуальность через сто лет. «Мы живем под собою не чуя страны, – начал декламировать Давид Борисович, – наши речи за десять шагов не слышны. А где хватит на полразговорца, там припомнят кремлевского горца. Его толстые пальцы, как черви, жирны, а слова, как пудовые гири, верны, тараканьи смеются усища, и сияют его голенища». И так далее, и тому подобное. Вот поэтому-то, дорогой мой, я и не хочу больше на все эти бесчинства смотреть.

– Но мы же теперь сами по себе вроде?

– Это только фасад такой красивый. Мол, у нас теперь самоуправление, самоопределение, сращивание культур. А на самом деле нами как управляли транснациональные корпорации, так и управляют.

– Ну, мы же неплохо живем, грех, как говорится, жаловаться.

– Что вы знаете, о «неплохо живем», дорогой мой! – покачал головой пожилой актер и поправил на переносице солнцезащитные очки. – Так, кормимся китайскими подачками. Бывали времена, что я в Москве за один съемочный день получал больше, чем за год в этом, с позволения сказать, театре!

– Так то в Москве!

– А какие меня окружали женщины, боже мой, Ларя! – продолжал Давид Борисович, не обращая внимания на восклицание Иллариона. – Я не успевал поворачиваться!

– Расскажите мне про них, Давид Борисович, я вас умоляю.

– Как можно про них рассказать, дорогой вы мой... О них невозможно рассказать. Каждая из них для меня как песня, как книга, рома-ан, – протянул пожилой актер. – Вы посмотрите старые фильмы и сами все увидите. Какие это богини... какая стать... взгляды... повороты головы...

В этот момент в его кармане зазвонил мобильный телефон.

– Да, мой сахар, – протяжно ответил Давид Борисович. – Ты уже подъехала? Я сейчас выхожу.

– Ларя, будьте так любезны, проводите меня до машины, супруга за мной подъехала. Я, в принципе, ориентируюсь, но мало ли что, – проговорил он, поднимаясь из кресла.

– Конечно-конечно, пойдемте.

Илларион подал с вешалки Давиду Борисовичу длинное до пят пальто, шляпу, и они вышли в коридор, по которому навстречу им бодрым шагом следовал Виктор Иванович Костылин. Выглядел он по-деловому, накинув поверх черного костюма с белой рубашкой темно-синюю куртку «Аляска».

– Здравствуйте, Виктор Иванович, – проговорил Илларион, когда они поравнялись. – Какими судьбами?

– Здравствуйте, Илларион, – поприветствовал чиновник, – вот, приехал поговорить с Мансуром Хоботовичем, обсудить насущные проблемы. Здравствуйте, Давид Борисович!

Виктор Иванович поприветствовал пожилого актера несколько громче, чем говорил с Илларионом, как будто старейший артист театра был глух, а не слеп.

– Здравствуйте-здоровствуйте, Виктор Иванович! – ответил он, и широко улыбнулся чиновнику, обнажив свои белоснежные вставные зубы. – Вы меня простите, я совсем уже ничего практически не вижу, только какие-то серые пятна. Не признал вас, не признал.

– Ничего, всем известен ваш недуг. Не жалеете вы себя, а надо бы подлечиться, чтобы вы и дальше могли приводить нас в восторг своими работами, – с дежурной улыбкой на лице проговорил Виктор Иванович.

– Да мне-то уже поздно приводить кого-то в восторг, дорогой вы мой. Вот, – указал он на Иллариона, – пусть молодые приводят.

– Ну, не скажите! Старый конь, он, как говорится, борозды не испортит. Ладно, с вами хорошо, но мне бежать надо. Успехов вам!

Виктор Иванович второпях пожал руки актерам и продолжил свое движение. Несмотря на то, что при встрече с ними его лицо светилось благополучием и радостью, Илларион заметил, что чиновник не на шутку озабочен какой-то проблемой. Его выдавали глаза, маленькие, посаженные близко к переносице, на протяжении всего их недолгого разговора они непрерывно двигались.

– Послушайте, – сморщив нос, обратился Давид Борисович к Иллариону, когда чиновник оставил их, – а почему у нас в коридоре так говном воняет?

– Не знаю, – нахмурившись, ответил он, сделав осторожный неглубокий вдох, – видимо, что-то с канализацией.

– Вероятно... Но это же непозволительно просто, чтобы в театре вот так воняло говном, – сказал Троегубов, зажимая нос. – Давайте прибавим шагу.

– Как вы думаете, Давид Борисович, а зачем это Костыль опять к нам пожаловал? Усмотрел в «Медее» неподобающее отношение к местным властям?

– Скорее всего. Ну, не спокойной же ночи пожелать Подъелдыкову.

– У него, по-моему, паранойя. Иной раз несет такую околесицу. Вот, скажите мне, Давид Борисович, откуда берутся такие люди, которые вправе решать за нас, что нам навредит, а что нет? Во что нам верить, а во что нет? И что именно вот эти идеи, а не другие являются вредными и нежелательными?

– Потому что он – власть. Все просто, он защищает интересы государства...

– Но он же так невежествен... – перебил Илларион и тут же осекся.

– Совершенно верно, и чем невежественнее, тем лучше.

– Позвольте, но ведь он своей деятельностью, мне кажется, только дискредитирует эту самую власть, – снова не выдержал молодой артист.

– Не горячитесь, Илларион, не надо. Поберегите нервы. Это вы так рассуждаете, а там по-другому считают. Они уверены, что он на своем месте находится. Держит, так сказать, руку на пульсе. Не дает нашему брату расслабляться. Сами же знаете, нам только волю дай, – рассмеялся Давид Борисович. – К тому же при случае от него можно в любой момент откреститься. Если зайдет слишком далеко наш многоуважаемый Виктор Иванович, то Марфа Исааковна в любой момент может сказать, что да, у нас есть негативные моменты, но мы с ними боремся, и отправит своего зама в отставку.

– Но он же напрямую влияет на творческий процесс! – возмущался Илларион.

– Фу-у-у, вот здесь, вроде бы не так воняет, да? – выдохнул Давид Борисович, когда они прошли дальше по коридору.

– Да, здесь лучше.

– Понимаете, дорогой вы мой, Ларя, – продолжал пожилой актер, – им жизненно необходимо навязать людям свои убеждения, чтобы общество их поддерживало и было единодушно во всем. Любая критика будет ими нещадно подавляться, потому что она может ослабить этот единый порыв. Но они ничего нового не придумывают. Во все времена цензура оправдывала свою необходимость соображениями государственной безопасности, необходимостью борьбы с экстремизмом и распространением идей, способствующих моральному разложению общества. Но на самом-то деле цензура не решает ничего, а лишь замалчивает проблемы, и власть, вводя ее, расписывается в своей бессилии. Они уже не могут ни на что влиять, вот и запрещают все подряд. К тому же, ну, какая в наше время цензура? Если даже в античности, помните, да? Эзопов язык?

– Да, конечно, я учил несколько басен, – неуверенно проговорил Илларион.

– Ну вот, а сейчас какие могут быть запреты?

Давид Борисович, улыбнувшись, положил руку на плечо, своему собеседнику, когда они дошли до машины.

– Вам надо больше читать. Я понимаю, молодость, работа, увлечения, да и привычки сейчас такой у молодежи уже нет, но актеру, да и вообще человеку, без книг нельзя. Если нет возможности читать бумажные книги, сейчас они крайне редки, читайте электронные или хотя бы слушайте, как делаю это я. Это очень удобно. Главная задача – не уснуть. И спасибо, что не бросили старика.

Давид Борисович пожал руку своему провожатому и, открыв дверцу, сел на заднее сиденье автомобиля, который, резко рванув с места, повез пожилого актера домой. А Иллариона ждала сегодня ночная смена. Уже через час в одном из модных китайских салонов он должен был танцевать в образе Орфея перед пожилыми китайками.

Казарма, где служил рядовой Олег Бородихин, была похожа на спортивный зал средних размеров, по обе стороны которого стояло по два ряда двухъярусных кроватей. Разделял их четырехметровый проход, покрытый ярко-желтым линолеумом, прозванный *взлетной полосой*. Старшина роты, прапорщик Кусков, при обустройстве помещения намеренно использовал светлое напольное покрытие, чтобы на нем четко проявлялись следы солдатских сапог. По установленному им негласному правилу, «*взлетка*» должна была выглядеть в любое время суток безупречно чистой, поэтому уборка в казарме практически не прекращалась. Дневальные драили ее щетками, предварительно накрошив на пол хозяйственного мыла. Однажды Олег по глупости, свойственной всем первогодкам, задал вопрос старшине роты относительно ее цвета:

- Товарищ прапорщик, можно обратиться?
- Можно Машку за ляжку и козу на возу! А в армии – разрешите!
- Так точно, товарищ прапорщик, разрешите обратиться!
- Валяй! – недовольно ответил старшина.
- А почему тут такой светлый линолеум? Лучше бы, например, коричневый положили, под дерево.

– Это, боец, чтобы служба медом не казалась. Кру-у-гом! Ша-а-а-го-ом марш!

Такой ответ явно не предусматривал дальнейшего продолжения дискуссии, поэтому рядовой Бородихин, вовремя сообразив, что его любопытство может стоить ему наряда вне очереди, немедленно ретировался с глаз прапорщика. Но в первые месяцы службы заступать дневальным по роте ему и без этого приходилось достаточно часто, и он сумел выучить ландшафт линолеума почти так же хорошо, как карту северной части области.

– Раньше в Европе улицы с мылом драили, – говорил Олег своему однокласснику Ринату Тимиркину, когда новобранцы находились в наряде по роте и в очередной раз доводили до блеска *взлетную полосу*.

После школы они записались в стрельцы да так и держались всю *учебку* вместе, хотя близким друзьями не считались.

– Улицы? С мылом? Им что, делать больше нечего было? – недоумевал Ринат, энергично работая щеткой. – Лучше бы страусов разводили.

Мать Рината работала в одном из ресторанов города и считалась специалисткой по приготовлению страусиного мяса, поэтому ее сын знал о страусах все, что полагается.

– Я хочу открыть страусиную ферму, – не раз говорил Ринат. – Вот отслужу, выучусь на ветеринара и займусь делом.

Ринат постоянно говорил о том, как он будет их выращивать.

– Страусоводство – очень выгодный бизнес. За два года можно окупить все расходы. Особый уход им не нужен. И условия проживания специальные не требуются. Представляешь, они живут до 70 лет, а яйца несут почти 30. Главные затраты – купить семью. А потом дело пойдет.

– А чем они питаются?

Нельзя сказать, что Олега интересовал страусиный бизнес. Он задавал вопросы своему другу для того, чтобы просто поддержать разговор.

– Да всем подряд. Пшеница, ячмень, кукуруза, трава разная.

– А где ты все это будешь брать?

– Закупать буду у сельхозпроизводителей.

– А деньги где возьмешь?

– Что ты заладил: где да где? Спонсоров найду. Пойми, главное идея. Я такой бизнес-план напишу, что вряд ли кто откажется.

После таких его слов Олег надолго замолкал и терпеливо выслушивал дальнейшие рассуждения своего товарища.

– Их мясо любой ресторан с руками и ногами оторвет. Я все уже посчитал. Одна страусиха за год может 60 яиц снести. Из них в среднем 40 страусят может получиться. А это до 100 килограмм диетического мяса к продаже. Оно чем-то на говядину похоже. Много полезных витаминов и минеральных веществ. Готовится быстро. Если его не пересушить, оно мягкое и нежное. Больше всего, конечно, для стейков подходит, с разными соусами, с горчичным, например, или апельсиновым. Ты ни разу не пробовал?

– Нет, – сухо отвечал Олег.

– Это и понятно, не дешевое удовольствие. Поэтому я и хочу этим заняться, – заявлял Ринат.

Иногда после ознакомления со своим проектом он предлагал Олегу заняться разведением страусов вместе.

– Могу тебя в долю взять. Но при условии, что я генеральным директором буду, а ты моим замом. Не обижайся, но я про страусов все знаю, а ты пока новичок в этом деле.

Но Олег не принимал его предложения, говоря о том, что у него другие планы.

Даже спустя шесть месяцев после вербовки на службу в Пятый отдельный стрелеский полк Олег чувствовал себя смертельно уставшим. Ему казалось, что в его жизни, кроме этой казармы, ничего не было. Семья, друзья, его девушка Варька – все они находились в каком-то тумане, сквозь который Олег, как ни старался, не мог пробраться. Он снился ему практически каждую ночь. Олег бродил в нем, подобно ежику из старого мультфильма, слышал какие-то голоса, смех, видел проходящие мимо тени, но не мог ни с кем поговорить и ни до кого дотянуться. Спасало от этого кошмара только одно: ночи были короткими, не длиннее перекура. Едва голова касалась подушки, как дневальный уже кричал: «Рота, подъем!»

Но больше всего Олег тосковал по Варьке. Он познакомился с ней благодаря своим родственникам. После окончания школы они подарили будущему стрелцу туристическую путевку в Тибет, понимая, что три последующих года, кроме казармы и тайги, он ничего не увидит.

Олег всегда считался достаточно замкнутым, неразговорчивым и стеснительным парнем, не имевшим серьезных отношений с противоположным полом. Поэтому организаторы поездки обратились в компанию «Партнер на любой случай» и оплатили услуги *временной подруги*, которая должна была составить ему компанию. Ею оказалась Варька. Миниатюрная, с легким монголоидным оттенком в лице, она сразу понравилась Олегу. А ее знание китайского языка значительно облегчило их путешествие по Тибету.

В их распоряжении было всего десять дней, но благодаря Варьке, которая до поездки с Олегом побывала в Гималаях уже три раза, за это короткое время они смогли увидеть все самое интересное. Зная, что Олегу предстоит воинская служба, она предложила ему посетить один неприметный монастырь, расположенный вдали от Лхасы, мимо которого проходили все туристические маршруты, где, по ее словам, можно было узнать свою судьбу.

– Туристов обычно везут по наезженным дорогам, – объясняла Варька хитрости туристического бизнеса. – Сказок насочиняли и дурят ими народу голову, чтобы внимание привлечь ну и денег срубить. Посмотрите налево, посмотрите направо. А люди, наивные, верят, интересуются, переспрашивают, фотографируют. Я же тебе такое место покажу, где туристов почти не бывает.

– А что там? – спрашивал заинтригованный Олег.

– Увидишь. Красиво там. Озеро подземное есть. Если захочешь, то будущее свое узнаешь.

– Как это?

– Очень просто. Есть такое тибетское гадание, *Мо* называется. Так вот. На берегу этого озера оно самое точное. Я гадала в прошлый раз, и все сошлось.

– А что? Расскажи?

– Не могу. Нельзя такое рассказывать.

Почему нельзя, Варька не объяснила, но Олег и не настаивал. А в монастырь поехал не потому, что хотел узнать свою судьбу, а оттого, что это место так нахваливала его спутница. К тому времени он уже испытывал к ней самые нежные чувства.

Они выехали из Лхасы рано утром, наняв двух шерпов. До тропы, которая должна была привести их в монастырь, ехали около четырех часов. Потом отпустили носильщиков и пошли пешком. Глядя на маленький храм, возвышающийся на скале и укутанный в снега, словно в облака, им казалось, что они смогут дойти до него не больше, чем за час, но в действительности путь оказался гораздо длиннее.

Когда извилистая тропа закончилась, у ворот они увидели двух богатырского вида монахов. Традиционные косы на их головах заменяли распущенные по плечам иссиня-черные волосы. Вымазанные темной краской лица и увесистые дубины, которые они держали в руках, служили им, как пояснила Варька, для отпугивания недобрых людей и злых духов. Вручив монахам дары, среди которых они больше всего обрадовались мешку риса, путешественники прошли внутрь.

За воротами монастыря сияло солнце и блестели снега Гималаев, а внутри обители стоял полумрак. В глубине небольшого помещения паломники рассмотрели монахов, стоявших перед статуей Будды и читавших какой-то текст, отмечая его ритм звоном колокольчика.

– А что это за флаги на стенах? – шепотом спросил Олег.

– Это не флаги, это тангка. Картины такие – с религиозным содержанием. Вот там, видишь?

Варька указала на одно из самых больших изображений.

– Это Будда Майтрея. Грядущий учитель человечества. Буддисты верят, что он в скором времени появится на земле и будет учить чистой дхарме.

– Чему учить?

– Дхарме, что-то типа нравственных устоев или универсального закона жизни.

Несмотря на свой интерес к философии, с буддизмом Олег знаком был достаточно поверхностно. Его знания ограничивались лишь биографией Гаутамы Будды.

В одной из комнат монастыря Олег пришел в полнейший восторг, увидев посредине ее массивный шкаф с ячейками продолговатой формы, заполненными книгами в кожаных переплетах. Он долго стоял и с разрешения находившегося рядом монаха листал древние фолианты, испещренные непонятными буквами, символами и схемами. Все это время Варька терпеливо ждала его, общаясь со священнослужителем. Когда же Олег закончил осмотр книг, монах отодвинул полки в сторону, открыв их взглядам массивную крышку люка с кольцом. Сдвинув ее, они ступили на длинную каменную лестницу, которая привела их внутрь высокой пещеры с висящими сталактитами и сталагмитами. Некоторые из сосулек были настолько мощными, что казались путешественникам массивными колоннами. Одна из стен зияла длинной щелью, сквозь которую проникал дневной свет. Темные углы пещеры создавали впечатление ниш, и в одной из них стояла высокая, в три человеческих роста, бронзовая статуя, изображавшая женщину, сидящую на лotosовом троне. Голову ее венчала тиара, а прелесть лица подчеркивали длинные серьги и ожерелье.

– Это Тара, – пояснила Варька, заметив, что Олег пристально ее рассматривает. – Главная богиня буддизма. Покровительница всего человечества, богиня милосердия и сострадания.

– Красивая, – проговорил Олег и бросил взгляд на Варьку. – На тебя похожа.

– Скажешь тоже, – улыбнулась она и посмотрела на статую, слегка прищурившись. – Хотя некоторое сходство имеется.

Молодые люди дружно рассмеялись, но тут же затихли. Потом подошли к рядом стоящему столику, на котором находились выстроенные в ряд свечи, освещавшие изваяние, и курительные палочки, наполнявшие пещеру ароматным дымом. Немного постояв, Олег и Варька

установили на столе принесенные с собой свечи и поклонились богине, сложив руки в молитвенном жесте.

Потом двинулись дальше и вышли на берег небольшого водоема, образованного падающими со сталактитов каплями.

– Вот это озеро, про которое я тебе рассказывала. Правда, красиво?

– Да, очень, – ответил Олег, глядя на то, как увесистые капли отрываются от сталактитов и падают в озеро, образуя на его поверхности концентрические круги.

– Монахи говорят, – пояснила Варька, – что это слезы Тары, которая скорбит о том, что человек утратил свое божественное предназначение. Сюда люди приходят узнать свою судьбу, а монахи – место рождения будущего Далай-ламы. Так что, будем гадать?

– Да, – уверенно сказал Олег, – конечно. Как это делается?

Варька достала из своего рюкзака игральную кость, на гранях которой вместо цифр были выбиты какие-то буквы, и небольшую записную книжку в кожаном переплете.

– Смотри, это кубик гадательный. А это, – она повертела его между пальцами, указывая на каждую его плоскость, – слоги тибетской мантры: Дхи, Ра, Па, Ах, На, Ца. Гадать очень просто. Бросаем кость дважды и получаем сочетание слогов, каждое из которых имеет свое толкование.

– И все?

– Да, а здесь потом результат посмотрим.

Варька открыла свою записную книжку и показала страницы, исписанные ее аккуратным почерком.

– Но только сначала надо задать себе вопрос. Тот, который волнует тебя больше всего. Сформулировать его надо четко и ясно. Понял?

– Что же тут не понять?

– Начнем?

– Давай.

Молодые люди присели на каменистый берег, расстелив перед собой небольшую циновку, которую Варька так же вынула из своего рюкзака.

– Как его надо бросать, есть разница? – спросил Олег.

– Нет, хоть как можно. Тут главное сосредоточиться и сконцентрироваться на гадании. Чем лучше это сделаешь, тем точнее будет результат.

Послушав Варьку, Олег какое-то время сидел молча, с закрытыми глазами, обдумывая свой вопрос. Потом глубоко вздохнул и кинул кость.

– На! – сказала Варька, посмотрев на кость. – Бросай еще раз.

Олег открыл глаза и спросил:

– А что это значит?

– Пока ничего. Я же говорю, надо два раза кинуть.

Олег взял кость и, несколько мгновений покрутив ее в кулаке, снова бросил на циновку.

– Ра! – озвучила Варька результат его броска. – Сейчас мы посмотрим, что тебе выпало.

Она углубилась в свои записи и через мгновение выдала такое:

– На-Ра обозначает «огонь страдания». Большие неприятности могут ждать вас в отношении ваших планов и семейной жизни. Духовный мир в опасности: сакральное зло грозит красным треугольным предметом или человеком, пришедшим с запада. Предсказаны потери друзей или болезни крови, вызванные инфекцией. Потерянные вещи не найдутся.

Окончив читать, Варька подняла глаза на Олега.

– Вот так погадали! – покачала она головой.

– И все? – спросил Олег.

– А этого мало? Ты недавно что-нибудь терял? – усмехнулась Варька.

– Нет, – ответил он, улыбаясь. – Наоборот, нашел. Так что ерунда все это.

Олег встал и помог подняться своей спутнице.

– Не верю я во все это, – уверенно сказал он. – Все хорошо будет.

Потом он крепко обнял Варьку и тут же почувствовал на своей шее ее прохладные руки, которые притянули его к влажным полураскрытым губам. Молодые люди целовались долго, лишь изредка отрываясь друг от друга и переводя дыхание. Олег тут же забыл о том, что нагнали ему кости. Все, что ему нужно было в этой жизни, находилось сейчас в его объятиях, и думать о плохом совсем не хотелось. Варька же, напротив, знакомая с буддийской традицией, расстроилась, так как верила в то, что люди не могут кардинально поменять свою жизнь и полностью изменить будущее. Но она знала, что справиться с грядущими неприятностями человеку по силам, и поэтому решила отговорить Олега уходить в стрельцы.

Варька не считалась проституткой, не работала в эскорте и даже не продавала себя пожилым китайцам, чтобы получить последнюю модель *голофона* или другого гаджета. Она пыталась стать медсестрой, но ее отчислили со второго курса медицинского колледжа за прогулы. В то время она уже подрабатывала *подругой напрокат*.

В первый же вечер Варька рассказала Олегу о своих предыдущих клиентах, которые принадлежали к разным социальным слоям: от руководителей крупных компаний до одиноких девочек-подростков. По ее словам, заказчики платили ей, чтобы она плакала на похоронах, смеялась на свадьбах и днях рождения. Все они хотели выглядеть убедительно в глазах своих знакомых. В прошлом году, например, один клиент нанял Варьку и еще десяток таких же девушек лишь для того, чтобы сфотографироваться в их компании и потом выложить эти снимки во все социальные сети, вызвав ревность своей подруги. А совсем недавно ей пришлось играть роль счастливой невесты, делая вид, что свадьба ее клиента уже не за горами и родителям не стоит волноваться.

До Олега она придерживалась правила: не заводить романтических отношений со своими заказчиками. Но в этот раз она изменила своему правилу. Ей понравился этот стеснительный и погруженный в себя молодой человек с умными и задумчивыми глазами. Они продолжали встречаться и после возвращения из Тибета. Однако отношения их продолжались недолго, так как спустя полгода Олег, несмотря на уговоры своей подруги, ушел в стрельцы. Сделал он это для того, чтобы в дальнейшем уехать из города и поступить в институт. Оставаться дома смысла не имело, так как кроме употребления дешевых китайских наркотиков и водки, прием которых в конечном итоге вводил в криминальный фарватер, основная часть его сверстников больше ничем не занималась.

Деньги на учебу у его родителей отсутствовали, и только воинская служба давала возможность Олегу осуществить свою мечту, так как бывших стрельцов зачисляли во все учебные заведения области бесплатно. Вот только поступали туда единицы. За три года службы в голове, кроме устава, ничего не оставалось, а те, кто все же рисковал, в основном вылетали после первого же семестра, так как не могли успешно конкурировать с теми, кто только окончил школу и имел возможность оплачивать образование. Поэтому большая часть стрельцов оставалась на сверхсрочную.

Это считалось выгодным по многим причинам. Во-первых, полное государственное обеспечение: обмундирование, питание, проживание. *Сверчки*, так называли стрельцов, подписавших дополнительный контракт, жили не в казармах, а в общежитиях, расположенных за территорией воинской части и имели достойное, по меркам города, жалование. Во-вторых, при вступлении в брак им полагалась льготная процентная ставка по кредиту и однокомнатная отдельная секция в доме для семейных пар. В-третьих, при гибели на боевом посту – погребение с салютом за счет воинской части. Об этом думать, конечно, не хотелось, но учитывая специфику службы, когда новобранцы, едва научившись стрелять, уже принимали участие в боевых действиях, приходилось просчитывать все возможные варианты развития событий.

Принимая во внимание все эти преимущества, практически никто не поступал в институт. К тому же немаловажную роль играл еще и тот нюанс, что возможность остаться в стрельцах появлялась у военнослужащих только при условии незамедлительного подписания дополнительного контракта после первых трех лет службы. Возможность попытаться получить высшее образование, а потом при отчислении из ВУЗа снова вернуться на службу, молодым людям не предоставлялась.

Все шло к тому, что на арендованных территориях в скором времени должно было сложиться сословное общество, когда дети чиновников, имеющие возможность учиться, станут занимать кресла своих отцов, а отпрыски стрельцов продолжают пополнять ряды вооруженных формирований, чтобы при необходимости погибнуть за свою родину – *Обновленную Сибирь*.

А Олег хотел продолжить учиться дальше. Его мечтой был философский факультет Омского губернаторского университета. Она родилась в нем после того, как Олег, будучи подростком, прочитал «Веселую науку» Фридриха Ницше. Он отыскал эту книгу в подвале бабкиного дома. После ее смерти родители решили его продать и затеяли там ремонт, чтобы, по выражению отца, «привести эту халупу в божеский вид». Выгребая мусор, кроме «Веселой науки», он нашел еще «Учение Дона Хуана Матуса» Карлоса Кастанеды и «Афоризмы житейской мудрости» Артура Шопенгауэра. Как они туда попали, никто не знал. Мать высказала предположение, что книги там остались от прежних хозяев. Дом покупался у одного местного чудака, который однажды своими руками сделал настоящий воздушный шар и впоследствии улетел на нем в неизвестном направлении.

Олег, отличавшийся от других молодых людей, оказался чрезвычайно рад своей находке. Он всегда чувствовал прилив необъяснимой эйфории, когда брал в руки бумажные книги. Его коллекция к моменту ухода в стрельцы состояла уже из двух десятков экземпляров и включала в себя, кроме вышеупомянутых, сочинения Александра Дюма, Роберта Льюиса Стивенсона и «Энциклопедию современного оружия» 2010 года выпуска. Ему нравилось даже просто перелистывать страницы книг и вдыхать их запах. Но найденными в подвале бабкиного дома экземплярами он старался не дышать, так как некоторые их страницы были густо отмечены следами крысиных экскрементов.

Многого тогда он в «Веселой науке» не понял, но она смогла сразу заинтересовать его нетривиальными суждениями и мыслями, о которых раньше он не имел никакого представления. Олег даже хотел выписывать в тетрадь наиболее хлесткие, по его мнению, фразы, но в скором времени понял, что сделать этого он не в состоянии, так как тогда ему пришлось бы переписать ее от корки до корки, которые, кстати, у нее отсутствовали.

Находка оказалась вдвойне ценнее еще и потому, что хождение бумажных книг к тому времени уже практически прекратилось. Все необходимые для жизни знания основная масса людей теперь черпала из телевизионных передач, кратких справочников, пособий, *лайфхаков* и постов во всевозможных социальных сетях. К тому же интересовала их только та информация, которая помогала разобраться с очередной цифровой новинкой. Книги стали считаться нефункциональными, а в дальнейшем – и вовсе вышли из моды.

Они стали своего рода антиквариатом и предметом коллекционирования. Отказ от них произошел незаметно и практически безболезненно. Люди выбрали электронные книги, посчитав их более практичными и удобными. Такой переход оказался похожим на то, как когда-то человечество заменило магнитофонные кассеты цифровыми носителями. Более того, теперь ни у кого и не возникало желания часами сидеть без движения и получать, как им казалось, никому не нужную информацию. Рынок развлечений стал 100-процентно визуальным и шагнул далеко вперед. В нем уже не находилось места ни «Мадам Бовари», ни «Мертвым душам». Если кто и обращался к таким сюжетам, то только для того, что снять очередной ремейк или запустить новую игрушку. Истории давно существовавших людей, их мысли, переживания никого уже не интересовали и стали считаться бесполезными.

Чудом выжил только театр и то благодаря тому, что вместе с уничтожением большей части Северной Америки исчезла и вся киноиндустрия, которая в последнее время была целиком сконцентрирована в Голливуде. Законодательницей мод в кино теперь являлась Индия, полностью отказавшаяся от живых актеров. Группа ученых Калькуттского университета по клонированию человека разработала уникальную технологию сканирования лица и тела, способную сделать виртуальную модель человека, учитывая все его индивидуальные особенности. После ее внедрения в жизнь персонажи фильмов и игр стали внешне неотличимы от живых людей.

Тогда режиссеры нового направления в кинематографе, так называемой «высокой волны», начали снимать фильмы с поистине звездным составом. Публика приходила в восторг, получив возможность увидеть в одном блокбастере, например, таких актеров, как Марлен Дитрих, Аль Пачино и Скарлетт Йоханссон в самом расцвете их актерской карьеры. Это оказалось настолько выгодным, что производство фильмов побило все мыслимые рекорды. К тому же не нужно было выплачивать дорогостоящим своенравным «звездам» заоблачные гонорары и опасаться их не всегда адекватного поведения.

Казалось, что еще немного – и цифровые копии актеров навсегда заменят живых людей, но стремительное развитие новых технологий не смогло окончательно вытеснить с рынка натуральный продукт, как предрекали самые консервативные последователи «высокой волны». Насытившись технологичными новинками, зрители постепенно стали нуждаться в эмоциях, генерируемых настоящими артистами, и снова стали ходить в театр, ставшей частью элитарной культуры.

Именно благодаря книгам, которые научили Олега относиться ко всему критически, он не стал и по-настоящему религиозным, как многие его знакомые. Давление Хрислама на все общественные институты становилось все более заметным, и многие его ровесники неожиданно для самих себя становились адептами новой сибирской религии. И даже потом, когда ему, соблюдая устав, приходилось посещать полковую меццерь, вера его не укрепилась. Отсиживая ноги на службах, и глядя на великолепное убранство хрисламского собора, он вспоминал слова, которые когда-то посеяли в его душе зерна сомнения, а потом и дали обильные всходы. Пусть автор высказывался относительно христианского учения, но Олег понимал, на каком фундаменте воздвигнут Хрислам. «Бог, который любит людей при условии, что они веруют в Него, мечет громы и молнии против того, кто не верит в эту любовь? Как же так? Любовь с оговорками – таково чувство всемогущего Бога? Любовь, не умеющая побороть честолюбие и злобную мстительность?!»² Олег даже несколько раз порывался поговорить об этом с *наседателем меццерти*, но не решался, дабы не привлечь к себе лишнего внимания командования.

Губернаторские стрельцы представляли собой вооруженные формирования, находившиеся на сданных в аренду территориях, призванные защищать мирный труд жителей от нападений из *дикого поля*. Полковые священники, заменившие политруков, уверяли стрельцов, что, кроме *дикарей*, объединившихся в банды, на незаселенных территориях больше никто не проживает, поэтому все те, с кем им придется там столкнуться, подлежат немедленному уничтожению. По их словам, они состояли в основном из бывших заключенных, анархистов и лиц без определенного места жительства, которые с целью совершения грабежей, регулярно атакуют транспорт и в редких случаях находившиеся за чертой города промышленные предприятия. В обязанности стрельцов входила охрана таких объектов и зачистка мест дислокации *дикарей*.

² Ф. Ницше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.